

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

ПЕЙЗАЖ НОЧНОГО
ВИДЕНИЯ

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Александр Александрович Тамоников

Пейзаж ночного видения

Серия «Боевые бестселлеры

А. Тамоникова»

Серия «Группа «Антитеррор»

майора Репнина», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22219078

Пейзаж ночного видения / Александр Тамоников: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92520-9

Аннотация

У майора спецназа ФСБ Вадима Репнина с международным террористом Нарбулой – личные счеты. Первый раз бандиту удалось уйти от федералов во время спецоперации в одном из кавказских сел. Позднее Нарбула объявился в Крыму. Репнин со своей группой организовал новый захват, но опять безуспешно: в последний момент главарь бежал через подземный ход. Майору становится известно, что на берегу моря обустроена перевалочная база террористов. Там же замечен и Нарбула. Репнин разрабатывает план очередной операции. На этот раз ошибки быть не должно. Но ситуация складывается так, что

спецназовцы сами оказываются в ловушке, выбраться из которой живыми практически невозможно.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Тамоников

Пейзаж ночного видения

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

От автора

Глава 1

Мирное село Харзрум Алгабекского района, затерянное в глуши Кавказских гор, отходило ко сну. Стихали дневные звуки, тускнели краски. С востока подкрадывалась темнота. Небо обложили тучи – обычное явление для второй половины сентября. Округа замирала. У подножия величавой Шайтан-горы, на склоне которой примостился аул, скапливался туман.

В давние времена аул Харзрум имел выгодное оборонительное положение – царские войска брали его неделю, погибло много солдат. Дома теснились уступами на склоне, каждое здание окружал каменный забор, и добраться до них по дороге противник не мог. С юга аул защищала отвесная стена Шайтан-горы. Со временем этот фактор потерял значение, теперь подъезд имелся к каждому строению. Аул разросся, превратился из крепости в село, но горцы по старой традиции продолжали возводить дома на уступах, обращая фасады к югу – чтобы защищать свои жилища от промозглых северных ветров и максимально использовать солнечный свет. У подножия горы располагалось сочное пастбище, где пасся местный скот, за лугом протекала извилистая речка.

Туман поднимался с пастбища, облизывал каменные террасы, тушевал петляющие по склону тропы. На западной

окраине Харзрума, выходящей к извилистому Панкайскому ущелью, было тихо. На клочках каменистой земли ютились захиревшие автомастерские, дома не самых обеспеченных местных жителей. Отсюда начиналась улица Джалиля, которая проходила через весь аул – в том числе через полицейский участок и поселковую администрацию. Там же находилась небольшая мечеть, увенчанная минаретом. От забора перед станцией техобслуживания осталось одно название. Но в мастерской за коваными воротами, видимо, еще хранилось что-то ценное. Заскрипела калитка, вставленная в покосившиеся ворота, и из нее высунулась черная от грязи и загара физиономия паренька-подростка, стрельнула глазами по сторонам. Мальчишка вылез, прислушался. В округе было тихо. Смеркалось. Величаво вздымались заросшие лесом вершины. Влево убегала дорога – пропадала в каменистой низине, а далее серпантинном сбегала в ущелье. В окрестных домах за окнами мерцал свет. Паренек, передвигавшийся в рваных кроссовках почти бесшумно, проказливо ухмыльнулся. За его спиной висел мешок, набитый металлическими предметами. Согнувшись в три погибели, малолетний воришка пробежал через двор – ноша за спиной негромко позвякивала, – перелез через поваленную секцию забора и спустился в канаву, идущую вдоль грунтовой дороги. Терпения хватало – вместо того чтобы припустить подальше от места «преступления», он несколько минут выжидал, прислушивался, воротил нос по ветру, собираясь выйти на

дорогу, и уже полез вверх, но что-то насторожило паренька. Он застыл.

Чуткое ухо уловило гул. Со стороны ущелья приближалась машина. Мальчишка спустился на дно канавы и на всякий случай пристроил подальше от себя мешок с наворованным добром. Он терпеливо ждал. Машина не появлялась. И звук работающего мотора оборвался. Видимо, она остановилась в низине, заваленной камнями, – до нее отсюда было метров полтора. Пацан удивился, задумчиво почесал вихор. Скорее всего, водитель не пожелал въезжать в аул, высадил пассажиров в низине. В темном воздухе заколыхались фигуры – люди гуськом поднимались на дорогу. Их было четверо. Снова завелся двигатель, но проработал недолго – очевидно, водитель съехал с дороги, чтобы не мозолить глаза редким автомобилистам. Пацаненок превратился в неподвижный камень, перестал дышать. Люди шли молча, стараясь не шуметь, и при этом тяжело дышали – пришлось подниматься по склону. Звякнул металл. Что такое оружие, на Кавказе знали даже новорожденные, поэтому мальчишка не удивился, но ему стало немного не по себе. Эти четверо были не местные, одеты хоть не в камуфляж, но как-то по-походному. Впереди вышагивал приземистый небритый тип с густыми бровями и крючковатым носом. Уроженец Закавказья – вряд ли с Северного Кавказа. Он нес в руках охотничий карабин, напоминающий автомат Калашникова. У идущего за ним оружия на первый взгляд не было, если не за-

мечать оттопыренный бок. Рослый, подтянутый, с тяжелым взглядом, рыскающим по округе. Ему было немного за сорок, большие колючие глаза, окладистая стриженная борода, руки он держал в карманах длинной брезентовой куртки. У двух последних была славянская внешность – первый постарше, второй моложе. Оба несли гладкоствольные охотничьи карабины. Последний постоянно озирался и наступал на пятки товарищу.

– Микола, мать твою, все ноги оттоптал... – шипел тот. – Куда торопишься, кретин? А ну, отстань...

– Так не видно ні хріна в цій темнотюке... – бурчал на украинской мове замыкающий. – Довго ще тягнутися? Приперлися на край світу, блін... Чуеш, Нарбула, довго ще телепать?

– Микола, пасть закрой! – бросил через плечо мужчина с окладистой бородашкой. У него был отличный русский язык, почти без акцента, и запоминающийся бархатный баритон. – Когда надо, тогда и придем. Звиад, еще метров двести, за овчарней – направо.

– Понял, Нарбула, не промажем, – проворчал возглавляющий процессию грузин. Вот он говорил с сильным акцентом.

– За овчарней, – усмехнулся украинец. – Там овчарок держат?

– Овец, тьма ты необразованная, Микола, – буркнул второй обладатель славянской внешности.

Странная процессия растворилась в полумраке. Голоса

затихли, и снова навалилась глухая тишь. Мальчишка в канаве облегченно перевел дыхание. Обнял свою добычу, выбрался на дорогу, наострился перебежать к противоположной обочине, но вдруг остановился, скорчил задумчивую мину, уставившись вслед незнакомцам. Проснулось любопытство, сгубившее не одну тысячу кошек... Он колебался – с одной стороны, страшно, с другой – интересно. Люди незнакомые, кто такие, куда идут? В итоге любопытство перетянуло. Пацаненок спустился в канаву за дальней обочиной, пристроил там мешок, выбрался и припустил на цыпочках за незнакомцами...

Он догнал их, когда они сворачивали в переулок, приглушенно ругаясь. Еще бы не ругаться – запашок вблизи овчарни царил знатный. Люди пропадали в узком пространстве между заборами, в него с трудом могла бы протиснуться машина, а мальчонка, прижимаясь к ограде, крался за ними. В этой части аула на краю проулка располагалось лишь одно домовладение. Перед ним раскинулся пустырь, за пустырем – уложенные штабелями бетонные блоки, ржавый трактор без гусениц, давно превратившийся в унылый памятник. Домовладение находилось на краю утеса – с трех сторон его окружали каменные горки, а с юга придомовой участок террасами сползал с горы. Вереница людей свернула за бетонную горку, подошла к забору. Калитка была открыта – видимо, хозяина предупредили. Они вошли по одному, пропали. Звякнула задвижка. Пацаненок завертелся на месте, потом

метнулся к засыхающему буку, торчащему на краю участка в стороне от ограды, и вскарабкался наверх. С высоты открылся вид на пустой двор, крыльцо, темные силуэты сараев на западном краю участка. Хозяин гостей не встречал – они пересекли двор, поднялись на крыльцо и скрылись в доме. В окне за шторами поблескивал огонек. На крыльце над дверью горела лампочка – освещала крыльцо и часть дорожки к калитке.

Мальчишка спрыгнул на землю. Обитателя этого дома знал весь аул, хотя никто с ним особо не водился. Берслан Мурзаев, угрюмый мужчина средних лет, когда-то трудился в районной милиции, имел семью. Потом случился скандал на работе, с треском уволился. В тот же год семья погибла в горах при сходе селя. Берслан примчался на место трагедии, весь белый, как призрак. Несколько дней спасатели не могли откопать погибших, а когда откопали, он окончательно превратился в ходячего мертвеца. Думали, свихнется, но как-то оправился, замкнулся еще больше, стал мрачным, нелюдимым. С сельчанами почти не общался, жил один, перебивался случайными заработками. Собака, что всю жизнь на цепи просидела – злая, звероподобная кавказская овчарка, – сдохла недавно от старости. С каких это пор Берслан стал принимать такие многочисленные компании?

Паренек размышлял недолго. Стоит заработать пару баллов в глазах местного участкового, а то ведь посадит скоро! Несколько раз ловил на мелких кражах, терпение у мента

лопнет и отправит его, как пить дать, на «малолетку»! Мальчишка, пригнувшись, побежал к переулку, выскочил на улицу Джалиля и припустил на восток, к центральной части поселка. В этих краях еще не утихла жизнь, у кого-то в гараже работала машина, смеялись люди на веранде, попивая вино собственного приготовления. К ограде бросилась собака, облаяла парнишку. Он с бега перешел на шаг, отдышался и вскоре подошел к монолитной кирпичной ограде, у которой стояли «Жигули» 14-й модели с работающим двигателем. Участковый машину еще не загнал, калитка была открыта. Паренек просочился внутрь. Дверь в дом тоже была распахнута. Классика жанра: оттуда доносились бурные звуки семейной ссоры. Визжала супруга – достопочтенная Фатима, бросала на пол посуду (в основном небьющуюся). Орал и старший лейтенант полиции Ильдар Канбулатов.

– Кобель несчастный, как тебе не стыдно?! – поносила мужа жена. – И не прикрывайся работой – ты всегда ею прикрываешься! Опять у своей медсестры в районной больнице был? Я знаю, ты с ней встречаешься, мне люди рассказали! Как ты можешь, Ильдар, ведь я отдала тебе лучшие годы своей жизни! Посмотри, скотина, ты даже помаду с воротника не стер!

По заведенной на Кавказе традиции, муж не оправдывался, а сам переходил в наступление:

– Ты что себе позволяешь, женщина?! – рычал он. – Со всем в истеричку превратилась! Я работал, у меня дела в рай-

оне! А ты сидишь одна весь день, в доме не убрано, дети не ухожены, неизвестно чем занимаешься! Никакой ответственности у тебя нет за наш дом! Зато фантазия разыгралась, хоть кино снимай! Это не помада, это кровь, поняла, да? Утром брился, порезался!

– Порезался, да? – зловеще хохотала достопочтенная Фатима. – Может, экспертизу проведем, выясним, что это за кровь? Учти, Ильдар, если это не прекратится, я поеду в больницу и лично сниму скальп с твоей любезной Мадины – она давно это заслужила! А завтра все расскажу своему отцу, у него знакомые в администрации, мы живо тебе укоротим, чем ты там работаешь по вечерам!

– А ну, цыц, баба! – взревел участковый. – Я не потерплю, чтобы какая-то шалава меня оскорбляла в моем доме! Кто зарабатывает тебе на жизнь, кто покупает тебе все шмотки?! А ну, знай свое место! Посмотри на себя, на кого ты похожа! За собой не следишь, волосы комком, в постели – полено!

Истерика разгоралась. Участковый уже не отрицал свою вину – мол, лучше секс без брака, чем брак без секса. Шум скандала проникал на улицу, ублажал слух соседей. Паренек передумал заходить – с ухмылкой вернулся на улицу и позвонил в звонок, висевший на калитке. Через минуту за скрипели половицы на крыльце, затопали сапоги. Калитка открылась, и в проеме образовалась рослая фигура участкового. Мордатый, взъерошенный, он еще не снял форму, китель был расстегнут, на боку болталась кобура.

– Бахадур? – Какого хрена? Чего тебе надо, щенок?

– Что, Ильдар, злая жена покусала? – не удержался парнишка и тут же взмолился при виде багровеющего участкового: – Ой, прости, Ильдар, не хотел...

– Дождешься, шалопут, посажу тебя в тюрьму... – пообещал участковый и, соорудив презрительную мину, взял пацана за шиворот: – Шпионишь, шкет? Пойдем в участок?

– Ну, Ильдар... – заныл непутевый представитель подрастающего поколения.

– Не Ильдар, а товарищ старший лейтенант.

– Ну, товарищ старший лейтенант... Блин, да отпусти ты меня, чего вцепился! – Мальчишка вырвался и сам состроил злое лицо: – Больно надо за тобой шпионить, тебя и так вся улица слышит. Дело у меня к тебе, Ильдар.

– Так выкладывай, – прошипел участковый, – и побыстрее. Не видишь, я занят!

– К Берслану Мурзаеву гости пришли... – Бахадур понизил голос, зыркнул по сторонам и выпалил все, что удалось увидеть: – Четверо их, Ильдар, с оружием они, шли, как воры, и машину в ущелье оставили, чтобы не шуметь...

– Ну, и что в этом криминального? – фыркнул Канбулатов. Действительно, не Москва же. Люди постоянно навещают друг друга, да и оружием на Северном Кавказе мало кого удивишь. Можно подумать, у участкового дел других нет.

– Ну, смотри, Ильдар, тебе решать, – пожал плечами пацан. – Мое дело предупредить. Хотел как лучше. Я же не

преступник какой-нибудь, хм...

– А ты сам в тех краях что делал? – насторожился участковый.

– А тебе какая разница? – рассердился Бахадур. – Гулял, не имею права гулять? Что ты вечно меня за жулика держишь? Подумаешь, попался пару раз. Мог и не попасться... – Мальчонка смутился, откашлялся: – В общем, сам решай, Ильдар. Ты власть, тебе и думать. Один из них точно грузин, Звиадом зовут. Второй вроде русский, третий – украинец Микола, только по-ихнему и чешет. Четвертый наш, видный такой, высокий, Нарбулой его звали, он у них за старшего.

– Ишь, какой ты прыткий, шкет, все запомнил и подметил, – прищурился участковый. Он почувствовал отдаленное беспокойство. Информацию приходилось впитывать каждый день – служебная нашлаивалась на прочую, в итоге голова буквально пухла. Еще эта ссора с женой – как подлюка раскусила его? Неужели следила или кто-то из «доброжелателей» накапал? Нарбула, Нарбула... Он определенно слышал это имя, но сейчас никак не мог вспомнить. Просто вертелось в замороженной голове это слово... Да и не имя это вовсе. Нет такого имени! Кличка, прозвище, погоняло...

– Ага, я все подмечаю, – не без гордости проговорил Бахадур. – А еще у этих дядечек охотничьи карабины «Сайга». У одного нарезной, у двух гладкоствольные. Вроде для охоты – но их и под боевые можно переделать, да, Ильдар?

– Ладно, заткнись, – поморщился участковый. – Умный ты шибко. Думаешь, я прощу тебе кражу из магазина? Не надейся, все равно дело заведу, попляшешь у меня. Ладно, вали отсюда, разберусь.

Ему не надо было больше всех. Не являлся Ильдар Канбулатов бескомпромиссным законником. Но за порядком на собственной земле следил, считая себя если и не хозяином, то наместником на вверенной территории. Чужаки ему тут были не нужны. Особого страха он не испытывал – бои в районе отгремели много лет назад, банды тут не орудовали, канули в Лету решения проблем посредством пули в сердце. Мальчишка ушел, озираясь и обиженно оттопыривая губы. Участковый покосился на крыльцо – в доме было подозрительно тихо. Видимо, Фатима что-то затевала. Плохо, из рук вон плохо он построил свою жену! Слишком мягкий у него характер! Он заправился, одернул форму и зашагал по дороге, с подозрением посматривая по сторонам. Сумерки уже сгустились, видимость становилась скверной. Вновь проснулось беспокойство. Может, не стоит соваться? Вызвать наряд из района, пусть разбираются. Тут езды пятнадцать минут. Поколебавшись, он достал телефон, набрал дежурного по районному отделу. Отозвался старый знакомый, капитан Мамедов.

– На шашлык хочешь позвать, Ильдар? – весело спросил он.

– Будет тебе шашлык, Саид, будет, – проворчал Канбула-

тов. – Слушай, тут дельце маленькое. Я из Харзрума звоню. Пришли наряд ППС по адресу улица Джалиля, 99. Это самый край аула. Бирюк там у нас проживает, к нему гости со стволами нагрязнули. Проверить надо. Я сам туда иду, пусть поддержат ребята. Скорее всего, все нормально, но на всякий случай.

– Все понял, Ильдар, сделаем, – благодушно откликнулся Мамедов. – Ты уж не лезь туда, дождись ребят. И про шашлык не забудь, давно мы хорошо не сидели.

– Будет тебе шашлык, Саид, – повторил Канбулатов. – Позвоню, организуем, ты же меня знаешь... – Он отключился и буркнул в пространство: – С такой ведьмой, покарай ее Аллах, посидишь, пожалуй, с друзьями...

Ждать наряд откровенно не хотелось. Пока соберутся, освоят эти извилистые тропы... Он сам себе голова в этом ауле! Старший лейтенант размашисто прошел по селу, добрался до западной окраины, свернул в переулок, насыщенный запахами овчарни. Пришлось зажать нос, чтобы не вырвало. Да чтоб Аллах и этого глухонемого старика Сагдыбека покарал – сам баран и живет с баранами! Он ускорил шаг, чтобы не задохнуться в этих ароматах. Вышел на пустырь, обогнул ржавый трактор и груды бетонного неликвида. Занес руку, чтобы позвонить в звонок, приклеенный изоляцией к косяку, поколебался – может, стоит подождать парней из района? Нет, он сегодня упорно отвергал голос разума. Позвонил, стал ждать. На всякий случай толкнул калитку – за-

крыто. Пару минут в доме Мурзаева царила подозрительная тишина. Потом заскрипела дверь на крыльце, и послышался ворчливый голос хозяина:

– Ну, что надо?

– Берслан, открой, это Ильдар Канбулатов, участковый!

Несколько мгновений мужчина обдумывал ответ, затем повторил:

– А надо-то чего?

– Гости у тебя вроде, познакомиться хочу!

– Нет гостей, ушли уже, ошиблись адресом!

И тут участковый сообразил, что его водят за нос. Его – представителя законности и правопорядка в отдельно взятом населенном пункте! Возмущение оказалось сильнее чувства опасности. Участковый разозлился:

– Берслан,пусти на минуту, разговор есть!

Мурзаев ворчал под нос, грузно спускаясь с крыльца. Брел по дорожке, шоркая шлепанцами. Отворил – лысоватый, обрюзгший, весь какой-то серый, мрачный. Колючие глаза смотрели неласково, в них чувствовалось напряжение.

– Ты один, что ли? – буркнул он, стрельнув глазами по сторонам.

– Нет, блин, со мной вся сила государства, – пошутил участковый.

Хозяин посторонился, пустил пришельца во двор и запер калитку на задвижку.

– Точно никого в доме? – спросил Канбулатов.

– Иди, убедись...

Он еще не прошел точку невозврата, но уже почувствовал неладное. В доме определенно кто-то был. Аллах свидетель, там кто-то был! Запоздало включился инстинкт, ударило что-то по мозгам. Мурзаев брел к крыльцу вдоль облупленного цоколя – и как-то странно втягивал голову в плечи. Рука участкового потянулась к кобуре. Дрогнула шторка на окне. Ловушка! – запоздало сообразил участковый, вынул пистолет из кобуры, попятился. Какой кретин придумал спускать флажок предохранителя и передергивать затвор? Он не успел ни то, ни другое. До калитки осталось шага три, когда в затылок уперся холодный металл, а другая рука сжала участковому запястье, из которого вывалился табельный «ПМ». Кто-то выскользнул из дома и затаился в районе ворот, пока участковый перекрикивался через забор с Мурзаевым! Канбулатов похолодел. Съежилась кожа на затылке. Он застыл. Захрустели шейные позвонки, сопротивляясь повороту головы. Вся бестолковая жизнь пронеслась у участкового перед глазами. Суетился, что-то делал, в принципе, следил за законностью, хотя и не стеснялся использовать служебное положение. Мадина встала перед глазами, заслонив супругу Фатиму. О, эти бездонные глаза, когда она смотрела на него, стоя перед ним на коленях и не говоря ни слова (в такие моменты женщины обычно молчат)... Как бы выдумать хоть одну причину, почему бандиты должны его пощадить? Скрипели ступени – с крыльца спускались трое, вооружен-

ные охотничьими карабинами. Медленно подходили, пожирали его глазами. Мысли носились ураганом. Два парня славянской внешности и еще один – рослый, жилистый, с вьедливими глазами и щеголеватой бородкой. Не соврал паршивец Бахадур! А Ильдару Канбулатову будет уроком в чертогах Всевышнего его дырявая память! Ну, точно, Нарбула – имя сам себе придумал бывший капитан республиканского спецназа, в миру Ильяс Джанхотов! Он обвинялся в десятках убийств, в организации банд, в посягательстве на государственный строй. Дважды бежал из-за решетки, оставляя за собой жирный кровавый шлейф. В начале 2000-х бесчинствовал в соседнем районе, наводя ужас на мирное население. Отметился в Чечне, в Карачаево-Черкесии, взял на себя ответственность за громкие теракты на территории России. Последние годы активно сотрудничал с Исламским государством, командовал мобильным батальоном карателей. По его приказу в Ираке уничтожались вместе с населением курдские села, он лично расстреливал из пулемета езидов, запись чего гуляла по Интернету. Последние месяцы был в Сирии – снова лютая жестокость и бесчисленные расстрелы: курдов, туркменов, сирийских ополченцев, военнослужащих армии Асада. По некоторым данным, занимался бизнесом – имел свою долю в продаже туркам краденой сирийской нефти, контролировал трафик наркотиков, терроризировал финансовые учреждения, выколачивая у них средства на ведение войны. И при этом, как ни прискорбно, Нарбула

являлся гражданином России и родом был из Алгабекского района. В одном из местных сел доживала свой век его старенькая мать. Где-то тут обреталась одна из его бывших жен, парочка малолетних отпрысков...

Почему такое позднее включение?! Трое подошли к окаменевшему участковому. Мурзаев пятился за их спинами, запрыгнул на крыльцо и исчез в доме.

– Уже облез от жути, мент поганый, – презрительно сплюнул щетинистый мужик с типично русской физиономией и выцветшей наколкой на тыльной стороне ладони. – А че, Нарбула, – глумливо ухмыльнулся он, – интересно, как мент будет себя вести, если его поджечь?

Нарбула поцокал языком – вот скажи, старлей, и за каким шайтаном ты сюда явился? Жил себе спокойно, ну, и дальше бы жил. Но нет, сподобило тебя визит нанести на ночь глядя...

– Нарбула, а він точно один? – опасливо пробормотал второй парень со славянским лицом, озирая гребень забора. – А як там ще менти?

– Да один он, – проворчал Нарбула, – давно бы уже вылезли эти тараканы...

– Мужики, пождите... – просипел обретший дар речи участковый. – Не убивайте, я никому не скажу...

– Уже поверили, – усмехнулся Нарбула. – Звиад, не стой истуканом, работай. Только не пулей – ни к чему нам шум.

– Пойдите... – Участковый дернулся, и нож, которым

Звиад уже собрался полоснуть по горлу, лишь распорол кожу на скуле. Ильдар резко отшатнулся и отпрыгнул с удивительной для его массы проворностью. Но спасти положение уже не мог. Звиад настиг его в прыжке, швырнул спиной на стену дома. А когда тот ударился о цоколь головой, вонзил тонкий клинок в живот, потащил его вверх к грудной клетке. Участковый извивался, кровь шла горлом. Идеально отточенное лезвие рвало ткань кителя, вспарывало брюшную полость. Агония была недолгой. Мертвое тело с распоротым животом рухнуло под фундамент.

– Молодец, Звиад, – оскалился щетинистый. – Раскрыл, как говорится, внутренний мир человека.

– Розлітайку надів, – хихикнул украинец.

– Чего? – не понял Звиад, вытирая о колено мертвеца испачканный нож.

– Распашонку, – подсказал небритый.

Прозвучал сухой треск, испуганный крик. С засыхающего бука, растущего за оградой, что-то свалилось, охнуло от боли, побежало. Мужчины встревоженно переглянулись. Звиад метнулся к калитке, выскочил на улицу и развел руками – уже никого.

– Нарбула, нас, по ходу, спалили, – нахмурился небритый.

– Вот шайтан... – скрипнул зубами главарь. – Быстро хватаем вещи, товар и уходим...

Им обязательно нужно было вернуться в дом, забрать то, ради чего пришли. Четверо устремились к крыльцу, пола-

гая, что время есть. Но никто из них не предполагал, что все произойдет так быстро. Мальчишку Бахадура грызло любопытство – никуда он не ушел, тащился за участковым, а когда тот вошел во двор, вскарабкался на бук. Он все видел. Мальчишку вырвало, потом под ним обломился сук. Он рухнул на землю, подлетел, как мячик, помчался в переулок, не чувствуя боли. А навстречу уже светили фары! Экипаж патрульно-постовой службы, вызванный участковым из района, осваивал колдобистый переулок. В свете фар мельтешила маленькая фигурка. Бахадур прыгал, размахивал руками. Его физиономия перекосилась от ужаса.

– Скорее! – вопил он. – Скорее! Это бандиты, они в доме Мурзаева! Они убили нашего участкового Ильдара!

Парни лейтенанта Даурова оказались не робкого десятка. Мальчонка едва успел прижаться к забору, как мимо него с ревом пропрыгал патрульный «УАЗ» и вынесся из переулка на пустырь. Полицейских было четверо, включая молодого лейтенанта Даурова. Хорошо, что взяли коротыши «АКСУ» и надели бронежилеты! Они выскакивали из машины, разбегались – кто за бетонные блоки, кто за остов трактора. Двое, в том числе Дауров, побежали к калитке. А из нее уже лезли бандиты! Немая сцена! Глупо стоять и тарашиться друг на друга. Загремели охотничьи карабины, пролаяла автоматная очередь. Враждующие стороны рассыпались, никто не пострадал, поскольку стреляли, не целясь. Бандиты бросились обратно во двор, заперли калитку. Полицейские

побежали за укрытия, которых за пустырем хватало. Было слышно, как переругиваются убийцы – на русском, украинском, с густым грузинским акцентом. Полный Интернационал! Дауров распластался за трактором, выпустил в калитку длинную очередь, превратив ее в решето. Из дома раздался ответный огонь – беспорядочно били охотничьи карабины, сконструированные на базе автоматов Калашникова. Полицейские прижались к земле, тоже матерились на чем свет стоит. Дауров отползал к машине – хорошо, что ее отгородили от дома Мурзаева штабеля бетона. Он схватил рацию с приборной панели:

– Дежурный, дежурный, это Дауров! Мы в Харзруме, улица Джалиля, 99! Участковый убит! Здесь банда, они в доме некоего Мурзаева, мы пытаемся их блокировать! Срочно пришлите подкрепление, все патрульные экипажи! Нужен спецназ!

Он убедился, что его поняли правильно, побежал обратно, пригнув голову. Его люди лежали за укрытиями, иногда высывались, стреляли по забору и по чердаку, возвышающемуся над гребнем ограды. Крохотное слуховое окно уже разнесли в клочья, хотя не факт, что там был стрелок.

– Магомедов, обойти переулочек и спуститься в долину! – распорядился Дауров. – Укрыться, держать под наблюдением склон горы и южную часть участка! Под пули не лезть! Начнут спускаться – огонь на поражение и немедленный доклад!

Сержант Магомедов возражать не стал, отполз от трактора и припустил в переулок.

– Бурханов, Карагоев – закрепиться на флангах! Видите камни? Занять позиции, не отвечивать, и чтобы ни одна тварь там у вас не пролезла! Живо давайте!

Патрульные расползлись в разные стороны. У них отродясь не было навыков спецназа, но и поставленная задача не являлась чем-то запредельным. Полицейские заняли позиции, окружили здание. Теперь периметр участка просматривался со всех сторон, бандиты оказались заперты. Они сидели в доме, ругались, стреляли для острастки. Пару раз пытались прорваться. Полезли через забор на левом фланге, где за каменной грядой засел здоровяк Бурханов – он прогнал их длинной очередью. У бандитов не было ни гранат, ни автоматического оружия, только нарезные и гладкоствольные карабины – штуки опасные, но не способные организовать ударную огневую мощь. Потом распахнулась калитка, выбежали двое, стали поливать огнем. Их видел не только Дауров, но и его подчиненные с фланговых возвышений. Бандиты попали под перекрестный огонь. Один схватился за отстреленное ухо, заорал благим матом, щедро перемежая украинскую речь выразительными русскими оборотами. Подельник схватил его за шиворот, втолкнул обратно, захлопнул тщательно обработанную пулями калитку. Бандиты стреляли уже без прежнего упоения – сказывалась нехватка боеприпасов.

Дауров недолго сидел в одиночестве. Аул встряхнула

пальба на окраине. Прибежали несколько мужчин с охотничьими ружьями. Этим людям было небезразлично, что происходит в селе. Чужаков здесь не любили. Чужаков, проходящих с оружием, не любили вдвойне. Люди прятались за бетонными глыбами, за патрульной машиной.

– Офицер, что происходит? – крикнул приземистый бородатый мужик в наспех натянутой жилетке. – Мы можем помочь? Это ведь дом Берслана Мурзаева?

– Ложитесь, не маячьте тут! – кричал Дауров. – Хотите помочь – помогите окружить участок и не высовывайтесь! Здесь банда, они убили участкового! Скоро прибедет подкрепление!

Народ в этой местности был понятливый. Люди разбежались – одни спускались соседним переулком к подножию горы, другие усиливали фланги. Какое ни есть, а подкрепление. Двое остались с Дауровым – один со старым охотничьим ружьем, другой с обрезом из двустволки. Один из них сетовал, что он сосед Ильдара, еще час назад видел его живым и невредимым, Ильдар приехал из района, любезно общался со своей супругой, а вот теперь...

Засевшие в доме сообразили, что дела их совсем плохи. Рваная стрельба оборвалась, и сочный баритон проорал из осажденного строения:

– Эй, менты, а ну, освободи дорогу! У нас заложник, мы его убьем! У вас есть десять минут, чтобы подогнать машину и всем разойтись! Выполнять!

Люди зароптали: какой еще заложник? Бирюк Мурзаев, что ли? Или еще кого-то прибрали?

– Дяденька, не верьте ему... – рядом с Дауровым приземлился мальчишка – с возбужденной чумазой физиономией, худосочный, гибкий, как шланг. – Врет он, нет у них заложника, я все видел... Берслан Мурзаев – их сообщник, зуб даю... – И не успел лейтенант Дауров возмутиться – мол, здесь не детская площадка, как пацаненка понесло. Он частил, как пишущая машинка. О том, как обходил окрестности аула – чисто подышать перед сном, как услышал шум мотора, спрятался. Эти люди оставили машину в ущелье, потопали пешком, а он следил за ними до дома Мурзаева, а потом припустил к участковому, с которым у него по жизни доверительные приятельские отношения. Он все видел – как Ильдара впустили во двор, как вспороли ему брюхо. И что Берслана Мурзаева никто из бандитов не держал на мушке. И вообще, зовут его Бахадур, он учится (вернее, числится) в седьмом классе местной школы, живет с бабкой, за неимением родителей...

– У них четыре охотничьих карабина, дяденька... – Они, наверное, по своим делам к Берслану пришли – забрать что-то или передать... А старшего они называют Нарбулой... А еще у них...

– Стой, мальчишка! – среагировал Дауров. – Стоп, говорю, не части! – Он пристально уставился на возбужденного паренька. В отличие от покойного участкового, у лейтенанта

Даурова была превосходная память и всех уроженцев района, объявленных во всероссийский (а тем более в международный) розыск, он знал наизусть. А уж таких одиозных...

– Повтори, парень, как бандиты называют старшего?

– Нарбула... – Мальчишка сглотнул и добавил: – Зуб даю, дяденька, Нарбула... Я же не глухой, они совсем рядом прошли!

– Опиши его... – Лейтенант закрыл глаза, чувствуя, как лицо заливают пот.

Пацан волновался, выплескивал слова, не особо их контролируя. И все же портрет зловещего Ильяса Джанхотова неумолимо вставал перед глазами. Безжалостный убийца, ярый приверженец радикального ислама, кровавый террорист, наследивший не только в России. Рослый, подтянутый, всегда следящий за собой, большие выразительные глаза, правильное холеное лицо, окладистая бородка, форму которой он не менял уже лет двадцать... Потянуло в родные места, Нарбула?

Дауров вышел из оцепенения, шикнул на мальчишку, чтобы валил куда подальше, и вновь схватился за рацию. Дежурный, когда прибудет подкрепление? Есть вероятность, что в доме Мурзаева заперли, ни много ни мало, самого Нарбулу! Да-да, того самого, за голову которого в некоторых странах обещано сказочное вознаграждение, а в России о стимулировании отличившихся не подумали! Не факт, что это он, но вероятность серьезная! Где, шайтан вас за ногу, спецназ?

Дежурный на другом конце провода заволновался, сообщил, что спецназ МВД из района будет позднее, а патрульные экипажи уже выехали, ждите! Без спецназа не штурмовать, следить, чтобы никто не выскочил! И нельзя ли точно удостовериться, что в окружении именно Нарбула?

Дауров подполз к проржавевшему колесу трактора, высунулся. В округе было тихо, начиналась ночь. Свет в доме Мурзаева был погашен, в окнах никто не мелькал. Стрельба прекратилась, тупо стрелять, не видя мишеней.

– Эй, Нарбула, это ты?! – проорал лейтенант.

Сначала в доме было тихо, потом разразилась злобная ругань, захлопали выстрелы. Не сказать, что ответ был положительный, но, собственно, и не отрицательный. Люди, окружившие участок, тоже произвели несколько выстрелов. Уже гудели моторы – из переулка протискивались прибывшие патрульные экипажи. Полицейские получали задачи, убывали на усиление оцепления. Горячился прибывший старший лейтенант: нечего ждать спецназа, нужно самим брать Нарбулу. Вокруг дома полторы дюжины полицейских, у всех автоматическое оружие, есть гранаты, неужели не завалят четырех заморышей с карабинами? Орал Дауров, срывая голос: он не позволит рисковать жизнями необученных полицейских, которые только с хулиганами умеют воевать! Нужно ждать спецназ, есть приказ! Где этот хваленый спецназ?! Прибывали гражданские – даже женщины и дети, многим жителям Харзрума не спалось в эту шумную ночь. Полицей-

ские гнали их прочь, но безуспешно – люди просачивались в «зону ведения боевых действий». Прибежала растрепанная женщина с безумными глазами – Фатима, супруга участкового, ей уже рассказали о случившемся. С диким воем она прорвалась через кордон, кинулась к дому. Лишь в последний момент полицейский схватил ее за руку, оттащил в безопасное место. Женщина вырывалась, потом упала на колени и зашлась протяжным воем.

По приказу Даурова несколько человек побежали к ущелью и обнаружили там старенький «Прадо» с выключенным мотором – бандиты загнали его за косогор с глаз долой, но найти машину не составило труда. Ее вскрыли, но ничего компрометирующего не нашли, за исключением нескольких томиков Корана в багажнике. Но что компрометирующего в такой находке в мусульманской республике? «Да уж, не свидетели Иеговы», – пошутил один из полицейских. Сигнал о том, что в глухом дагестанском ауле блокировали самого Нарбулу, пошел в Москву, но столица еще никак не отреагировала. Для этого следовало проснуться. К двум часам ночи вся территория, обнесенная забором, была заблокирована и простреливалась. С западной гряды просматривалась часть двора, тропинка от калитки к крыльцу, труп участкового с распоротым животом. Бандиты на этом участке не появлялись – знали, что их увидят. Иногда доносились крики с дальнего конца двора, потом бандиты возвращались в дом через заднее крыльцо. На юге участок выходил к крутому ка-

менистому склону и обрывался. На краю громоздились камни, какой-то сарай в стадии полураспада. Спуститься здесь мог лишь человек с веревкой, обладающий навыками скалолазания. В канавах и за косогорами у подножия засели вооруженные люди. Как только наверху что-то мелькало, они стреляли. Бандиты в ответ отстреливались. Несколько раз бросали камни (по принципу «на кого Аллах пошлет»). Молодой полицейский, из тех, что прибыли последней партией, выбежал на простреливаемый участок, ударил по террасе длинной очередью, а спрятаться не успел: от сарая прогремел единственный выстрел, парень вздрогнул, свалился на колени, потом лицом в землю. Полицейские гневно загудели и открыли беспорядочный огонь по сараю, отбивая от него щепки. Под прикрытием огня сослуживец сержанта оттащил его в безопасную канаву, но это было уже бесполезно: пуля прострелила парню голову...

Около трех часов ночи прибыл долгожданный республиканский спецназ. Бородатые парни в свитерах, бронежилетах и защитных куртках вытащили из «Газели» амуницию, оружие. Их было пятеро. Они считали себя крутыми и до упора обученными. Их даже толком не волновали обстоятельства случившегося. Когда Дауров пытался им что-то объяснить, рослый майор Ганибеков, похожий на накачанного Робинзона, лишь раздраженно отмахнулся. Сигналом к началу операции стала ракета, выпущенная в воздух. Прозрачный намек для посторонних: разбегайся, кто может! Одно-

временно заговорили ручные пулеметы «РПК» и гранатометы «РПГ-7». «Нарбула нужен живым!» – спохватился Дауров. Ганибеков снова отмахнулся – не лезь, мальчишка, будет вам Нарбула на блюдечке с голубой каемочкой!

Это было сущее безумие. Участок Мурзаева подвергся сокрушительному удару. Пули выбивали остатки стекол, крушили наличники, наружную обшивку здания. Сыпался шифер! Уже не только калитка, но и забор превратились в труху. В доме прогремели два мощных взрыва. Падали межстенные перегородки, кричали бандиты, захваченные врасплох, клубы дыма вырывались из окон. Воодушевленный успехами спецназ пошел на штурм. Выбили калитку, стали по одному врываться во двор с грозными криками. Ганибеков первым протопал к крыльцу, ногой вышиб дверь, швырнул в проем гранату, а когда гроыхнуло и вздрогнула веранда, ворвался в дом. Оттуда донеслись два выстрела, и все стихло. Остальные еще бежали по дорожке, взлетали на крыльцо. Огонь по ним открыли с противоположной стороны – из сараев на западной стороне участка! Очевидно, бандиты заранее подготовились к отражению атаки. Это была хладнокровная бойня! Пули, выпущенные прицельно по бронежилетам, сбивали спецназовцев с ног, а потом их добивали выстрелами в головы. Двое погибли сразу, не успев открыть ответный огонь. Двое были ранены. Они корчились в пыли, пытались отстреливаться. Одному бойцу пуля попала в ногу, другому в шею. Обучены эти парни были скверно, но знали, что такое взаи-

мовыручка. Боец опустошил магазин, лежа на боку, вставил новый – при этом загибался от боли. Он ухитрялся держать автомат одной рукой, а второй тащил товарища за шиворот и при этом ругался, как портовый грузчик. Пуля перебила руку, в которой он держал автомат, – оружие упало на землю. Неимоверным рывком он вывалился за калитку сам и вытянул за собой товарища. С той стороны подбежали люди, отволокли раненых за укрытия. Несколько минут в округе царила потрясенная тишина. Спецназ был уничтожен в считанные мгновения. Что за демоны засели в доме? Они уже уничтожили пятерых, двоих ранили... Полицейские пребывали в каком-то ступоре. Схлынула толпа гражданских. Где-то на улице Джалиля завывала сирена «Скорой помощи». Из-под сарая в западном краю двора выкарабкались двое, побежали, пригибаясь, к неподвижным телам. У них в запасе было несколько секунд, пока не начали всматриваться наблюдатели на фланге. Они работали быстро – стаскивали с покойников «сбруи» с подсумками для магазинов и гранат, кобуры с пистолетами. Подобрали три автомата и бесшумно припустили к дому. Теперь они могли удерживать даже маленькую армию...

Глава 2

Майор Вадим Репнин – 39-летний командир группы спецназа «Ягуар» Управления специальных мероприятий Федеральной службы противодействия террору – лежал в постели и удивленно рассматривал обнаженную женщину, которую вчера вечером подарила ему судьба. Красивая блондинка 36 лет – с добрыми, немного ироничными, очень лучистыми глазами, с непокорной челкой – лежала рядом, оплетая его ногами, и смотрела на него с не меньшим удивлением. Весь кошмар минувшей недели остался за гранью. Ликвидация на погранпосту «Старомыс» украинской диверсионной группы. Шаг от собственной смерти. Посторонняя женщина, оказавшаяся рядом – Лена Ищенко, врач-офтальмолог из Тулы, – спасла ему жизнь. За ним не заржавело – он тоже ее спас. Теперь она забыла, куда ехала, он тоже плохо помнил свой предполагаемый маршрут. Отпуск у обоих, утро следующего дня, типовой гостиничный номер в заштатном городке Старомыс, что в Белгородской области. Группа с чувством выполненного долга покатила в столицу на базу, а командир остался. Кончилась чудесная и странная ночь. Настало столь же чудесное (и не менее странное) утро. С восходом солнца они уже два раза занимались любовью и ни разу не ели, не пили, не принимали душ. Им было хорошо, и не хотелось задумываться, кто в этом виноват и что делать.

– Странно, – первой нарушила молчание Лена, – обстановка у нас с тобой такая... как бы это сказать... красивой задумчивости.

– Странно, – согласился Вадим, – даже более чем странно. Но всякое бывает в жизни. На все божья воля.

– Допустим, в нашей жизни за последние сутки что-то кардинально изменилось, – глубоко вздохнула она. – Со мною происходят необъяснимые вещи – я не хочу от тебя уходить. Но ты не волнуйся, на свадьбу я тебя разводить не собираюсь... Давай еще раз кое-что уточним. Я в отпуске, ты тоже, хотя вроде не планировали. Мы едем в Сибирь, где у тебя, по твоему утверждению, живет дочь. Отпуск в Сибири... хорошо, что не на острове Врангеля. Я, кстати, говорила тебе, что тоже из Сибири?

– Говорила, – кивнул Вадим. – Да, у меня есть дочь, живет в Новосибирске у моей сестры, и, если помнишь, она звонила сюда пятнадцать минут назад, я намекнул, что приеду не один.

– И теперь она лихорадочно выстраивает линию поведения, – кивнула Лена. – План «А», план «Б» – на случай, если все окажется не так ужасно, как она считает.

– Прости ее. Она же ничего про тебя не знает.

– Ты, кстати, тоже.

– Да, это верно, – согласился Вадим. – Но что-то мне подсказывает, что я на верном пути. Полежим еще немного... Просто полежим.

– Мы уже все бока отлежали, – засмеялась Лена.

– И тем не менее мы должны это сделать, – наставительно сказал он.

Они лежали, меланхолично рассматривали дыры в потолке. Удивительное дело – ему совершенно не хотелось вскакивать, куда-то бежать, приходить в ужас, что он взял на себя непривычные обязательства. «Нельзя забывать, что мы находимся бог знает где, – лениво думал Вадим, – на краю географии, на границе с Украиной, и до ближайшего аэропорта, где есть рейсы в Сибирь, отсюда киселя хлебать. Нужно, однако, шевелиться, что-то делать...» Но так не хотелось шевелиться! Зазвонил телефон, и он от неожиданности вздрогнул. Слава богу, Маринка.

– Пап, это снова я, – деловито сказала дочь.

– Что-то случилось? – напрягся Вадим.

– Нет, за пятнадцать прошедших минут ничего особенно не изменилось. Все так же: у меня братишки нет, у меня сестренки нет. Ни мамы, ни папы толком. Но это лирика. Прости, возможно, я чего-то не поняла. Давай еще раз уточним. Ты получил отпуск и не сегодня завтра приедешь домой с какой-то женщиной. И мне придется все это терпеть.

– Ты же сама хотела меня познакомить... Помнишь Марию Яковлевну, маму твоей подруги? – Вадим немного смутился, мельком глянул на Лену. Та улыбалась – какой-то плутоватой непредсказуемой улыбочкой.

– Извини, я знала эту женщину и контролировала ситуа-

цию, – резонно возразила дочь. – Сейчас же происходит то, на что я не могу повлиять, и меня это бесит. Как портфелем, знаешь ли, по голове... Вы чем там занимаетесь?

– Ничем, – быстро сказал Вадим.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнула Маринка. – Надеюсь, это еще не приравняли к порнографии. Когда вы познакомились?

– Вчера.

– И надолго у тебя это, пап?

– Боюсь, что навсегда.

– Черт, влипши... – ругнулась Маринка. – Но ты проведи на всякий случай тест. Закрой глаза и представь, что ее больше нет и никогда уже не будет.

– Предлагаю встречный тест, – засмеялся Вадим. – Тоже закрой глаза и представь: однажды ты просыпаешься, а Интернета больше нет и никогда не будет.

– Пап, ты в своем уме? – ужаснулась Маринка. – Что ты говоришь? М-да, боюсь, что болезнь у тебя серьезная. Ничего, вылечим. Когда, говоришь, явитесь?

– Скоро.

Он бросил телефон, рухнул на кровать и решительно произнес:

– Тяжело быть родителем – даже дистанционно. Ну, все. Собираемся, поехали. Пункт назначения – Белгород. Нужно еще найти подходящий банкомат...

Снова зазвонил телефон. И опять он вздрогнул. Это бы-

ла не Маринка. Сердце заняло: почему он не отключил эту вредную, совершенно никчемную вещь? Он смотрел на вибрирующий аппарат, чувствуя, как в душу забирается тоска. Лена поняла, что дело плохо, стерла улыбку с лица. Он посмотрел на нее – как-то беспомощно, растерянно, словно извинялся за то, чего еще не сделал.

– О господи! – обреченно вздохнула Лена. – А счастье оказалось таким коротким... Это жена... которой у тебя якобы нет?

– Жены нет, – помотал он головой, – реально нет.

– Любовница?

– Если бы, – вздохнул Вадим. – С любовницами покончено раз и навсегда. Все гораздо хуже... – Он ответил на звонок и скорбно вымолвил: – Доброе утро, Эдуард Романович. Слушаю вас внимательно.

– Приветствую, майор, – деловито произнес полковник Паньков – заместитель начальника управления генерал-майора Кашарина и непосредственный куратор группы «Ягуар». – Что нового? Как настроение?

– Приподнятое, товарищ полковник, – сдержанно отозвался Репнин.

– Тогда все отлично, – не без сарказма сказал полковник. – Возникли новые обстоятельства, товарищ майор. Поэтому с прискорбием должен сообщить, что отпуск твой откладывается на неопределенное время. День, два... может, несколько часов – зависит от того, как управитесь. Не перебивай! –

повысил он голос, хотя майор и не собирался этого делать. – Вчера вечером в ауле Харзрум Алгабекского района Республики Дагестан местным жителем был случайно замечен Нарбула. – Полковник помолчал, давая Вадиму время прочувствовать ситуацию. – Нар-бу-ла, – повторил он по складам. – Небезызвестный Ильяс Джанхотов, на счету которого множество преступлений по всему миру, в том числе военных преступлений. Алгабекский район – его родина. Джанхотов в сопровождении трех боевиков прибыл к одному местному жителю. В доме последнего его и заблокировала полиция. Окружили плотно, вырваться он не может. Заложников нет, местный житель по имени Берслан Мурзаев – его сообщник. Попытки штурма успеха не принесли. Погибли участковый и сотрудник патрульно-постовой службы. Республиканский спецназ потерпел поражение – эти самоуверенные батыры без подготовки пошли на штурм. Трое, включая командира, убиты на участке, двое ранены. Банда хорошо обучена, терять ей нечего. Поначалу у них были лишь охотничьи карабины. Теперь у них все, что имели при себе убитые спецназовцы, включая гранаты. Сейчас там все заморожено. Банда в доме, вокруг него плотный кордон. У местной полиции категоричный приказ из Москвы: повторного штурма не проводить, ждать специалистов из Федеральной службы по борьбе с террором. Серьезных попыток прорваться пока не было, но сдаваться бандиты не намерены, и неизвестно, что у них на уме. Утешает то, что они не смертники...

– Минуточку, Эдуард Романович, – перебил Вадим, – если нет заложников, то в чем проблема? Сжечь дом, к чертовой матери, и пусть горят синим пламенем!

– Нарбула нужен живым, – отрезал Паньков.

– Но если не смертник, то зачем ему умирать на пожаре? – резонно заметил Вадим. – Выйдет, как миленький.

– Так, – рассердился Паньков, – ты не отмазы ищи, а выполняй приказ. Ты же хочешь лично взять Нарбулу? И не коси под дурачка, Вадим. Сам понимаешь, взять этого упыря – полдела, его еще надо вывезти из этих гор. Угадай с трех раз, связался ли окруженный Нарбула со своими сообщниками и сколько верных ему бандитов уже оседлали окрестные дороги? В Харзрум они не сунутся, слишком много там штыков и злых на Нарбулу граждан. Просто так его сообщники не выпустят, будут биться за него со всем бешенством. Ты же представляешь, какое у него влияние?

– В таком случае Нарбуле лучше сдаться, – ухмыльнулся Вадим, – и уповать на то, что сообщники его отобьют.

– А версии будешь строить уже в пути, – отрубил Паньков. – Извини, майор, но дело важное, уровень нашего управления, довериться другим мы не можем. Информацию по аулу я скину тебе на телефон. В ней нет ничего секретного. В полетеознакомишься. Нам нужен только Нарбула, остальных участников бандформирования разрешаю уничтожить. Твоя группа уже развернута и направляется в Ростов. Я так понимаю, ты еще в Старомысе... – В голо-

се полковника прозвучали ироничные нотки. – Надеюсь, ты знаешь, на какую вертолетную площадку тебе прибыть через полчаса? Свяжись с командиром вертолетного отряда, он в курсе. Через три часа ваша группа должна быть на месте, изучить ситуацию и принять меры по задержанию особо опасного преступника. Доставить в Махачкалу – и езжайте в отпуск. Неделя – никто не отнимет. Удачи, Вадим!

Репнин в растерянности сел на кровати и с какой-то детской обидой уставился на Лену. Миллион проклятий! Она тяжело вздохнула и тоже села, прижалась к нему плечом:

– Съездили в отпуск, Вадим?

– Прости... Ну, прости, пожалуйста, это работа...

– Опасная?

– Да нет, ерунда. Ничего серьезного. Надо съездить в одно место...

– Давай никогда не будем врать друг другу, – предложила Лена. – Ты можешь не рассказывать, с чем связано задание, но никогда не ври, что это не опасно. Больше знаешь – меньше накручиваешь. Я вчера насмотрелась, как вы работаете. И даже поучаствовала. Ты должен ехать?

– Да. Немедленно, – кивнул Вадим.

– Отпуск отменяется? Расстаемся? – дрогнувшим голосом спросила Лена.

– Нет... – Он захрипел от волнения, упал перед ней на пол, обнял колени. – Лена, милая, подожди меня, будь человеком... Я быстро сделаю дело и вернусь. Обещаю тебе – се-

годня ночью, завтра, в крайнем случае послезавтра. Не сиди в этой глуши, поезжай в Белгород, сними номер в гостинице, давай обменяемся телефонами... Я оставлю тебе номер моей дочери, позвони ей, расскажи, что произошло. Может быть, вы поладите, вы должны поладить. Ее зовут Марина, ей 14 лет – она язва и заноза, но девочка хорошая... Дождись меня, прошу. Мне же ничего не придется спрашивать у ясеня?

– О, неужели у нас с тобой все так серьезно, – невесело рассмеялась она и обняла его за шею, – что ты позволяешь мне общаться с твоей дочерью напрямую, без посредников?

– Мне кажется, да...

– Будь осторожен, Вадим. – Ее глаза наполнились слезами, она стала осыпать его поцелуями. – Все, иди, не тяни время. Конечно, я буду ждать тебя в Белгороде. Не спеши, делай свое дело. Я буду ждать, сколько понадобится. И не пори горячку, не лезь под пули, будь предельно осторожен. Господи, что происходит? – задала она в пространство риторический вопрос. – Как так вышло, что я попала в ловушку?..

Это было форменное безумие даже для бывалых бойцов! На пределе возможностей уложить банду диверсантов, свистнувших ценную секретную разработку, и, не успев отдышаться, броситься разгребать очередное дерьмо! Голова у Вадима была вконец заморочена – крупным планом, со всеми анатомическими подробностями, в ней застряла женщина, в которую он влюбился без памяти за одну ночь. Что с

ним случилось? Что за детский сад? Он не мог сосредоточиться. Только бы дождалась! Доставка спецназа до места работы была молниеносной. Знакомая вертолетная площадка, аэродром войсковой части под Белгородом, где произошла «трогательная» встреча с ребятами из его группы (они уже доехали до Москвы, когда всю компанию развернули обратно). С аэродрома в час дня вылетел грузовой «Ан» на Махачкалу – время его отправки скорректировали с учетом убедительной просьбы важного чина из Федеральной службы по противодействию террору. Вертолетом до Алгабека, «Газелью» до места. Экипировались и проверили снаряжение еще в самолете. Люди были мрачны, надуты. В самом деле, такой облом! Они согласны работать, никогда не отлынивали, но это полное свинство! Пусть важно, но не Форт-Нокс же грабить! Других, что ли, нет?

Вадим лаконично описывал сложившуюся ситуацию. Нарбула в капкане – уникальное явление. Никому не надо объяснять, кто такой Нарбула? Один из главарей и вдохновителей Исламского государства, имеющий прочные российские корни. Подчиненные хмуро внимали. Капитан Максим Рудницкий, уже собравшийся рвануть к родным на Урал, брезгливо оттопыривал нижнюю губу. Прапорщик Алексей Капралов сидел с обескураженным видом, поглаживал выбритый череп. Худощавый Жилин отвернулся к окну, меланхолично поглядывал сквозь шторы. Язвительный светловолосый лейтенант Балабанюк обиженно надувал щеки и время

от времени бросал взгляд на часы, словно опаздывал на самолет.

– Жалко, что так произошло, – сокрушенно вздохнул черноволосый плейбой Гриша Амбарцумян. – Мы с Вовой Балабанюком уже план составили – в Крым отдыхать собрались. Там бархатный сезон еще не кончился... – и мечтательно уставился в пространство.

– Всех достал – поедem в Крым, поедem в Крым, – проворчал Жилин. Вову сблатовал, остальных не смог. Делать мне больше нечего, как по всяким Крымам мотаться. Россия – и в Африке Россия. В новостях говорят, что этим летом цены в российском Крыму благополучно сравнялись с ценами в Сочи. Нет уж, давайте без меня.

– Я бы поехал, – буркнул Рудницкий, – но отца хотел навестить в Перми. Старенький он уже. Не знаю, удастся ли еще к нему съездить...

– А у меня мать, – вздохнул Капралов. – Тоже с годами не молодеет, но по даче бегает, как белка... Искуситель ты, Григорий. Нет, не поеду, не проси.

– По ходу, никто уже не поедет, – фыркнул Балабанюк.

– Поедете, – заверил Вадим. – Дело сделаем – и разбегаемся. Мне тоже некогда тут с вами...

Напрасно он это сказал. Подчиненным нужна была тема для поднятия настроения. И тема состоялась. Десять пытливых глаз устремились на майора спецназа, и он невольно смутился под взглядами товарищей.

– Не надо смущаться, командир, – расплылся в широкой улыбке Гриша Амбарцумян. – Дело, как говорится, молодое. Признайся, это та блондинка, на которой ты вчера возлежал, когда вокруг свистели пули? Она спасла тебя, когда та панночка собралась тебе глаз пулей выбить... Слушай, а где ты провел последнюю ночь? Мы уехали, а ты остался. Пытался нас уверить, что у тебя дела в Старомысе...

– Мертвая панночка, гм, оригинально... – пробормотал Рудницкий.

– Я не собираюсь обсуждать свою личную жизнь, – нахмурился Вадим. – Всем советую сосредоточиться на работе.

– Да ладно, Вадим, – заулыбался Рудницкий. – Мы же рады за тебя. На лице у тебя печать, что все серьезно. Иначе не смущался бы так. За это мы выпьем, когда все кончится, поскольку событие, как ни крути, эпохальное. Выпьем, мужики?

– Да хоть из лужи, – хмыкнул Балабанюк.

Микроавтобус был «умеренно»-бронированным, бойцов уверили, что пули калибра 7,62 его точно не возьмут. За себя не переживали, но в случае успешного завершения операции транспортировка Нарбулы могла бы вылиться в увлекательное мероприятие. Бойцы настороженно посматривали из-за шторок. Микроавтобус осваивал заросшие лесами предгорья. Дорога петляла по склону кряжа, мимо окон пробегали криворукие деревья, увенчанные шапками багряной листвы. Впереди шла боевая машина пехоты, выделенная спец-

назу «местными товарищами» для содействия операции. Замыкал колонну бронетранспортер, оснащенный крупнокалиберным пулеметом. Стрелки не спали, следили за местностью. Командир отряда спецназа в Алгабеке, пристыженный и удрученный потерей товарищей в Харзруме, обещал прислать бойцов для прочесывания прилегающей к аулу местности. Имелась опасность, что сюда уже проникли сообщники Нарбулы с целью его отбить. Этот парень контролировал не только отряды в Сирии и Ираке, но и несколько банд в Дагестане. Механик-водитель БМП был из местных, пообещал, что выберет объездной маршрут, но на подъезде к селу, как ни крути, придется гнать...

Гнал он после спуска с горы, как сумасшедший. Колонна, прыгая по ухабам, промчалась с восточной окраины Харзрума на западную. Боевые машины не могли протиснуться в переулок, пришлось оставить их на улице Джалиля. Жалко, подумал Вадим, такой заманчивой была идея расстрелять дом из пушки и пулеметов. «Газель» вынеслась на пустырь, где было полно людей! В опасную зону никто не заходил, но вблизи переуллка и за бетонной баррикадой было многолюдно. Это что – повод для народных гуляний?!

Репнин первым спрыгнул с подножки и сразу начал «строить» руководство местной полиции. Что за бардак в районе, товарищи? Плевать на ваши народные обычаи! Чтобы через пять минут здесь не было ни одного штатского – пусть они и притащили с собой все свое стреляющее фамильное ба-

рахло! Полицейские забежали. Приказ начальства был недвусмыслен: майора столичного спецназа слушаться беспрекословно! Прибывшие с группой Репнина местные спецы спешили занять позиции, прогоняли по домам недовольных бордачей. Вадим оценивал оперативно, кто тут чего стоит, и сразу позвал к себе лейтенанта Даурова. Этот парень был здесь с самого начала, владел информацией и представлялся самым здравомыслящим. У лейтенанта от недосыпания слезились глаза, он еле сдерживал зевету, но пока не падал. Они лежали за покореженным остовом трактора, наблюдали за домом. Просматривались каменные возвышенности на флангах, где тоже окопались люди с автоматами, изрешеченная пулями ограда, добить которую при желании не составляло труда. Выходящая на пустырь сторона дома представляла жалкое зрелище – ее изрешетили пули, от чердачного окна осталась рваная дыра. Бандиты помалкивали – дом и участок словно вымерли. Вадим посмотрел на часы: три часа дня. Мрачноватую обстановку усугубляли плотные кучевые облака, плывущие с севера. В шаге от закрытой калитки, превращенной в дуршлаг, валялось тело мужчины в жилетке и спортивных брюках. Он зарылся носом в землю, затылок был выворочен в кашу.

– Это кто такой, лейтенант?

– Пару часов назад случилось, – отозвался Дауров, подавляя зевету. – Хозяин дома Берслан Мурзаев. Был сообщником Нарбулы, но, похоже, не являлся активным членом бан-

ды. Решил, что лучше отсидеть, чем погибнуть. Видимо, выбрал удобный момент да рванул через двор. Почти ушел – через порог перелетал, когда ему в затылок дали. Калитку быстро закрыли, откатились. Мы не стали труп Мурзаева вытаскивать – подставлять людей под пули не хотелось. Пусть лежит, потом унесем. Там много укрытий во дворе, товарищ майор. Подозреваю, что у них есть человек или двое, которые постоянно держат на прицеле калитку и ограду с воротами. Среди них Нарбулы, понятно, нет – он отсиживается в доме. У них отчаянная нехватка людей, им нужно одновременно держать все четыре стороны... ну, за исключением, может быть, южной – там не подняться, слишком круто, нужно альпинистское снаряжение. Товарищ майор, скажите, в чем проблема? – решил лейтенант на терзающий его вопрос. – Мы могли бы уничтожить дом из гранатометов, забросать гранатами, сжечь, к чертовой матери...

– Отставить, лейтенант, Нарбула нужен живым. Валить – в крайнем случае, когда не будет других вариантов или жизни бойцов будет угрожать реальная опасность. Откуда у них «РПК»?

– У наших забрали... – Щеки лейтенанта заалели, словно в случившемся была его вина. – Из района прибыл спецназ МВД с капитаном Ганибековым. Пятеро их было, самоуверенные парни, подготовка слабая, а мнили себя крутыми рейнджерами... Жалко ребят, просто так полегли... Двое выжили, но тяжелые, в больницу увезли. Они тупо пошли

через калитку, у одного из ребят был «РПК». Ганибеков ворвался в дом, там его и убили. Двоих перед крыльцом срезали. Бандиты, естественно, забрали то, что у ребят было. Теперь у них гранаты есть, большой запас боеприпасов...

– Попыток вырваться не предпринимали?

– Парочка была, но поняли, что не прокатит, убрались обратно в дом. Теперь сидят, не выживают.

– Это точно Нарбула?

– По всем приметам, да. – Дауров слегка смутился: – Сто процентов, конечно, не дам... Да он это, товарищ майор, точно он. Всего их четверо. Банда международная – и грузин там есть, и украинец. В каком они состоянии, мы не знаем, но один легко раненный точно есть. В ухо мерзавцу попали... Товарищ майор, – разрешите нам с парнями поучаствовать в операции?

– Не разрешаю, лейтенант! Никакой полиции! Марш охранять правопорядок и защищать граждан! Не обижайся, – сменил тон Вадим. – Ты молодец, что владеешь ситуацией и не стал по-тупому подставлять людей. Но давай каждый будет заниматься своим делом, договорились?

Затягивать представление явно не стоило, надо быстро штурмовать, хватать Нарбулу и везти в Махачкалу. При этом постараться не «сыграть в дурачка» – создать видимость, что пленный находится в бронированном конвое, который ошестинится штыками, а реально увезти его на зачуханных «Жигулях» без охраны, на которые никто и смотреть не будет.

Репнин ползал с бойцами по окрестным буеракам, побывал на правом фланге, на левом, откуда с единственной точки открывался ограниченный вид на сараи. Он долго рассматривал их в бинокль, затем покосился на Жилина, который пристроился рядом и усердно пыхтел, поглощая очередную сигарету:

– Сарай видишь? По сигналу сможешь попасть под него из «РПГ»? Нужен один хороший выстрел. Чтобы эта «дура» подпрыгнула и развалилась.

– Не вопрос, командир... – Жилин прищурился, оценил расстояние и ширину просвета. – Не дважды два, конечно, нужно хорошо помолиться, но, думаю, справлюсь.

– Отлично, – кивнул Вадим. – Тогда не будем тянуть резину. Гриша, скликай наших, буду ставить задачу. Нарбула уже в курсе, что к нему на randevу пожаловал столичный спецназ, поэтому не будем ждать, пока он что-нибудь придумает...

Спектакль удался на славу! Внимание бандитов не мог не привлечь рев двигателей за бетонными блоками, шум толпы, которую усердно изображали дагестанские полицейские. Громогласно ревел командирский голос: «Первое отделение, к воротам!!! Всем на исходную, приготовиться!» Полными кретинами бандиты, конечно, не были, но не могли исключить вариант второго штурма в лоб. Для отражения атаки им нужен был пулеметчик под сараем. И Жилин засек его! Упругое тело перекатилось под кирпичные «курьи ножки»,

волоча за собой пулемет с треногой, – туда он немедленно и выплюнул кумулятивную гранату! Выстрел вышел блестящим. Граната разорвалась под днищем сарая. Взметнулись доски, какие-то мешки, садовый инвентарь – все взлетело на воздух и посыпалось обратно, образовав невнятную горку кирпично-дровяного хлама. Вторая реактивная граната разнесла в щепки ворота, и туда, где они только что стояли, полетели наступательные гранаты «РГД». Иллюзия наступления по фронту была полной. Максим Рудницкий чуть руку себе не вывернул! Под прикрытием этого хаоса с восточной каменной горки скатились четыре фигуры, ловко преодолели забор и попадали в кустарник. Окна на этой стороне помалкивали – если там и был стрелок, то он перебежал туда, где царили грохот и пальба. Бойцы поднялись, дружно бросились вперед, не встречая сопротивления. В окна полетели светошумовые гранаты. Люди падали под фундамент, зажимали уши. Разлетались осколки стекла, звучали резкие хлопки, сопровождаемые ослепительными вспышками. Амбарцумян выбил прикладом остатки рамы, сцепил ладони, на которые взгромоздился суровый ботинок майора Репнина. Толчок – в некотором роде катапульта. Прыжок получился не очень гладким, Вадим ушиб колено о карниз, ругнулся непечатным словом.

– Да уж, командир, – выдавил Амбарцумян, забрасывая майора в комнату, – в прямом эфире ты пока работать не готов...

Краем глаза тот успел схватить, как Капралов тем же образом забрасывает в соседнее окно Балабанюка. Влетели в дом почти синхронно. Вроде спальня, широкая железная койка, колченогий шкаф – дитя эпохи советского застоя. В комнате никого, дверь настежь. Вадим швырнул в проем вторую «безвредную» гранату, метнулся за стенку, зажав уши. В коридоре (или где-то дальше) кто-то орал, надрывался автомат Калашникова. Грохотали взрывы, горланили люди (но на участок не лезли, майор предупредил местных батыров, что бандиты могли поставить растяжки). Он помчался к проему, вылетел в коридор, одновременно падая на колени, и столкнулся с Балабанюком, вылетевшим из соседней комнаты.

– Ну что, командир, соприкоснулись силы Света и Тьмы? – пошутил молодой лейтенант. – Скажи, ты веришь в Бога?

– Не оstri, – буркнул Вадим. – Тебе задняя часть дома, мне – передняя...

Ждать других смысла не было. Они разбежались в разные стороны. Репнин домчался до конца коридора, вылетел в просторную комнату, выходящую на веранду. Он насилу устоял от соблазна швырнуть боевую гранату – в чем тогда смысл, если разорвать Нарбулу на куски? Вновь падение на колени, бег вприсядку – и это правильно: простучала очередь, над головой пронесся свинцовый рой. Какой же адреналин на этой любимой работе! Половина веранды уже пылала, кто поджег?! В дыму мельтешили двое. Ориентироваться и

принимать решения приходилось со скоростью компьютера. У порога валялось грузное тело в исподнем – незнакомый бородач с пулей в голове и оскаленным ртом. Вадим покати́лся к допотопному креслу, стоящему напротив вполне сносного телевизора. Следующая очередь разбила экран и повалила телевизор на пол. Вадим упал в одном месте, а вырос в другом – за массивным обеденным столом. На него летел с распахнутой пастью небритый тип славянской внешности. Применить автоматы не успевали оба, и майор повалился на спину, подгибая ноги. Щелчок в голове: не Нарбула. Значит, хрен с ним! И в тот момент, когда бородач уже падал на него, занося приклад, он резко распрямил ноги. Бандита отнесло, словно им выстрелили из рогатки. Он грохнулся хребтом о столешницу – стол оказался не таким уж массивным, подломились ножки, и вся конструкция вместе с телом завалилась набок. Второй бандит – явно кавказец, выбил из автомата последние патроны и начал лихорадочно отстегивать магазин, чтобы вставить новый, как в этот момент в помещение влетел Капралов и вместо приветствия открыл огонь. Кавказец замахал руками, как будто балансировал на канате, и рухнул ничком. Капралов тоже не устоял, въехал в Вадима, который торопливо поднимался, и оба вцепились друг в друга.

– Прости, командир, я на летней резине... – отдуваясь, проговорил Капралов.

Громко топая, в комнату влетели Балабанюк с Амбарцумяном и доложили:

– Больше никого, командир...

– Что значит никого? – не понял Вадим, ощутив неприятное жжение в груди. – Искать Нарбулу – да осторожнее, он где-то прячется...

Спецназовцы обшаривали дом, заглядывая во все щели, – напряженные, готовые увернуться от гранаты или пули. Примчался запыхавшийся Жилин, присоединился к поискам.

– Максим, ты где? – бросил в переговорник Вадим.

– Захожу на цель, командир, – сообщил пробившийся сквозь разбитые ворота Рудницкий. – На обломках сарая вижу растерзанный труп. У парня рыжие волосы, славянская внешность. Это пулеметчик, он не Нарбула...

– Да вашу же мать! – взревел Вадим. – Бойцы, срочно на чердак, в подвал – сперва прощупать светошумовыми... Дауров, ты на связи? – крикнул он в рацию.

– Так точно, товарищ майор, – отозвался лейтенант. – Мои люди в оцеплении, никто не выходил... Вы знаете, что у вас пожар?

– Дауров, ко мне! – приказал Репнин. – Остальным оставаться на местах!..

Мертвые тела вытаскивали во двор, к ним уже подкрадывалось пламя. В доме ощущался дефицит кислорода. Спецназовцы кашляли, рыская по помещениям. «В подвале чисто!» – кричал Капралов. «На чердаке чисто!» – кашлял сверху Амбарцумян. Находиться в горящем здании становилось невозможно. Люди вываливались наружу, разбежались

по участку, обшаривали все места, где мог прятаться Нарбула. Это был какой-то бред. Куда он делся? Тайный колодец? Подземный ход? Не могло быть на склоне каменной горы ни тайного колодца, ни подземных ходов. Лишь неглубокий слой глинистой почвы, а под ней сплошной камень – даже подвал под зданием был символическим. Невозможно в этой местности что-то вырыть! Да и куда бы вел подземный ход? Только на склон горы. А там повсюду люди...

Подлетел взбудораженный Дауров, невольно встал по стойке «смирно», оробев перед пылающим майором спецназа.

– Кто это? – выстрелил пальцем в бородача Вадим.

– Так это... – сглотнул лейтенант, – капитан Ганибеков... я же вам рассказывал... Он успел ворваться в дом, там его, видимо, и расстреляли...

– Почему он в исподнем? – кипел Вадим. Злость хлестала фонтаном. Хотя при чем тут этот парень, худо-бедно выполняющий свои обязанности? Другие и так не выполняли – в том числе хваленый майор «самого крутого» в стране спецназа!

Дауров сделал круглые глаза и пожал плечами. Действительно, не в таком же виде капитан Ганибеков вламывался в дом к преступникам! Хоть за голову хватайся. Вадим кинулся опрашивать людей в оцеплении, не выходил ли кто за пределы, например, в спецназовской форме, при полной амуниции, вооружении и усердно прячущий лицо. Хотя и

так все ясно, зачем кого-то опрашивать? Он плевался в ярости, созывал своих бойцов. Спецназовцы грузились в машину, Капралов заводил двигатель. Они тряслись по переулку, когда ожила рация и сообщила дрожащим голосом Даурова: похоже, преступники намеренно подпалили дом. А облачение с погибшего капитана Нарбула снял давно, лелея в голове хитроумный план. Когда разгорелись страсти, он понял, что пора. Сообщники не посмели возразить, хотя видели, что Нарбула оставляет их на верную смерть. Этот парень имел необъяснимую власть над людьми, иначе не добился бы такого влияния в своих кругах... Короче говоря, видели люди некую фигуру в спецназовской форме. Спецназ пошел на штурм, в доме стали рваться гранаты, занялась пламенем передняя часть дома (видимо, заранее облили бензином). Этот парень вывалился как-то незаметно. Прихрамывал, лицо в гари, головной убор надвинут на глаза. Люди в оцеплении подумали, что бойца контузило. Кто-то предложил помочь, он отмахнулся, буркнул, что все в порядке, надо глаза промыть, и побрел к машинам «Скорой помощи», выстроившимся у переулка. Но до врачей не дошел, пропал. А пропасть он мог только в переулке...

Вадим чуть не грохнул рацию о приборную панель! Обвел вокруг пальца, джихадист хренов! Как курсантов обвел! Покойный Ганибеков и Нарбула примерно одного роста, Нарбула более подтянут, но это не проблема, костюмчик нормально сядет... Он рычал Даурову, чтобы живо снимали всех лю-

дей на прочесывание округи – и не копать! Связывался с экипажами БТРа и БМП – прочесать окрестные дороги! Вызванивал вертолетчиков из Алгабекского отряда – поднять в воздух весь состав, искать Нарбулу, которого наверняка в лесу поджидали сообщники на машине. А значит, надо проверять весь транспорт в районе!

Зачем Нарбула с людьми явился к Мурзаеву, уже не имело значения. Получал информацию, деньги, наркотики (или передавал все перечисленное) – какая теперь разница? Спецназ опозорился по полной программе. Сохранялась слабая надежда исправить ошибку. «Газель» скатилась в низину за западной окраиной аула. Бойцы покидали машину, уходили в лес, рассыпаясь цепью. Капралов с Жилиным покатили дальше, чтобы отрезать возможный путь отхода. Но как искать иголку в стоге сена? Ведь он мог рвануть в другую сторону. Поступали доклады от участников облавы: полиция прочесывает Харзрум, все окрестные буераки, опрашивает местных жителей. Нарбула как в воду канул! Прибывало подкрепление, над районом зависли вертолеты. Из райцентра на «Уралах» шли два взвода внутренних войск. Спецназовцы стоптали ноги, прочесывая лес. «Проще цветущий папоротник найти, чем этого хитрозадого», – ворчал Амбарцумян. Докладывал Капралов: на дороге все чисто. «Не останавливаться на достигнутом! – рычал Вадим. – Искать! Искать, я сказал! А не свернете горы, я сверну вам шею!»

В половине шестого вечера можно было уверенно конста-

тировать: операция провалена. Нарбула ушел, и уже далеко – сомнений не осталось. Банду ликвидировали, но это было слабым утешением. Успокаивался взбудораженный аул, начинали неторопливую работу следственные органы. Колонна со спецназом в том же составе выехала из села. Бойцы были подавлены, как-то виновато поглядывали на командира. Вадим уже успокоился – всякое в жизни случается, никто не застрахован от глупых ошибок. Невозможно при штурме учесть ВСЁ. «Газель» тряслась по горной дороге, в окружении почетного караула из бронетехники.

– Вадим, не расстраивайся, – успокаивающе произнес Рудницкий. – Мы сделали все, что смогли. Такое случается. Обидно, конечно, – сокрушенно вздохнул он, – Нарбула был так близко...

– Да ладно вам, – пробурчал, опуская глаза, Амбарцумян. – Переживем. В конце концов, это не самое ценное в жизни...

– Этот парень хочет сказать, что в жизни есть только две истинные ценности, – ухмыльнулся Жилин, – секс и алкоголь.

Спецназовцы с натугой посмеялись, замолчали, когда их командир начал нервно дергаться и жечь взглядом.

– Постыдились бы, друзья мои, – процедил он. – Мы лажнулись по полной программе. Сегодняшний день будет помечен черной краской в летописи нашего отряда.

– В героической летописи нашего отряда, – поправил Ам-

барцумян, поджав губы. – Ты прав, командир, очень жаль, но ежегодная церемония награждения состоится без нас...

– Заткнись, – пихнул его в бок Балабанюк, – а то тебя сейчас высадят.

Спас бойца куратор группы полковник Паньков Эдуард Романович, которому именно в эту минуту приспичило выйти на связь.

– Наслышан, майор, наслышан о твоих подвигах, – недовольно урчал он. – Как же так вышло? Родина доверила тебе ответственное задание...

– Виноват, Эдуард Романович, не уследил, – ответил Вадим. – Готов понести любое наказание. А про Родину и прочую лапшу отечественного производства давайте не будем... извините, товарищ полковник.

– Грубишь, майор, – с укором посетовал куратор. – Впрочем, понимаю твое уязвленное профессиональное самолюбие... Сохраняется надежда, что Нарбула будет схвачен?

– Сохраняется, товарищ полковник. Но уже в другом месте. Он ушел. Перехитрил и выскользнул из-под самого носа, переодевшись в форму мертвого дагестанского спецназовца. Боюсь, его сразу вывезли сообщники, с которыми он связался, находясь в осаде. Когда замкнулось кольцо, он уже вырвался из него. Мы готовы продолжить поиски, но это обширный квадрат... В общем, вот так, Эдуард Романович.

– Но банду-то ликвидировали? – уточнил куратор.

– Банду ликвидировали – троих отправили к Всевышне-

му.

– Хорошо, хоть будет что сказать, когда пойду на ковер к начальству... Ладно, майор, не хочется это говорить, но никто не гарантирован от ошибок. И на старуху бывает проруха. Будем считать, что все случившееся – вина местных ротозеев, выпустивших его из оцепления в то время, когда спецназ вел бой. Так и доложу руководству. Но не думай, что я тебе это спущу. Живо дуйте в свой отпуск, а когда вернетесь, будем принципиально разговаривать.

– Не понял, товарищ полковник, – опешил Вадим. – Вы произнесли слово «отпуск»? Я не ослышался?

Насторожились остальные пассажиры «Газели». Заблестели и забегали глаза у бравых вояк.

– Знаешь, Вадим, скажу тебе честно – за твой сегодняшний провал я бы не только лишил тебя и твоих неумех отпуска, но и ввел бы суровые санкции, вплоть до увольнения из рядов или, скажем, лишения годовой зарплаты, с которой вы, похоже, переедаете. Но отпуск вы получили как награду за прошлую операцию, которую провели, как ни крути, блестяще, поэтому тут я бессилен. Возвращайтесь в Махачкалу, вас ждет грузовой борт. Он следует в Белгород, с посадкой в Москве, чтобы забрать попутный груз. Неделя, майор. Ровно неделя. Вот с этой самой минуты, и время пошло...

Репнин разъединился и посмотрел на товарищей. В груди что-то булькало, клокотало. Смеющееся женское лицо стояло перед глазами, перекрывая лица товарищей. А они недо-

верчиво переглядывались, пытливо смотрели на командира – мол, правильно ли поняли сложившуюся ситуацию?

– Ура, товарищи? – неуверенно проговорил Амбарцумян. – Мы с Вовой едем-таки к морю? Где лазурная пена?

– Сволочи вы редкие, – завистливо вздохнул Капралов. – А я к мамане поеду, заждалась уже...

Глава 3

Опустилась ночь, когда белгородское такси с шашечками высадило Вадима недалеко от центральной Соборной площади – под вывеской с оригинальным названием «Гостиница «Белгород». Он был подтянут, сиял, переодет в гражданское. На плече висела пустая походная сумка, которую предстояло забить. Разбираться у стойки администрации – куда, зачем, имеет ли он право? – хотелось меньше всего, он сунул дежурному администратору свое «страшное» служебное удостоверение и, не глядя на реакцию, заспешил к лифту.

Лена открыла дверь номера, радостно засмеялась, упала в его объятия. Он целовал ее глаза, губы, волосы, давал волю рукам – они ведь так истосковались! Она шутливо била по ним, просила убрать «манипуляторы», а сама льнула, подставляла лицо и тоже осыпала его поцелуями.

– Приехал, не обманул... Проходи, раздевайся, марш в душ, от тебя еще войной воняет... В шкаф можешь не смотреть, там никого нет – я держалась, хотя поступило несколько заманчивых предложений, и меня даже звали в Испанию, в отличие от некоторых, которые зовут в Сибирь...

– В Сибирь... – бормотал Вадим, немея от наслаждения. – Только в Сибирь, на каторгу, никакой Испании... Но не сейчас, утром, Сибирь не убежит... Леночка, родная, как же я соскучился...

Она оттирала его в душе, снова льнула к нему, жмурилась от блаженства, а он цепенел, скулы сводило от желания. Майор действительно безумно соскучился по этой женщине, которую знал лишь одну ночь, один вечер и одно утро. Они лежали на жесткой гостиничной постели, но это было самое комфортное ложе из всех, на которых он побывал! А потом, когда страсть наконец улеглась, пришло недоумение: впервые за много лет он испытывал душевный покой, было легко, приятно, хотелось просто лежать и ничего не делать. Сладкая истома растекалась по телу, он уже забыл, что тысячу лет не ел, не пил, не курил, и даже не заметил, как подкралась дремота и глаза медленно закрылись.

...Когда он проснулся, Лена, все еще лежавшая рядом, крепко обняла его и прошептала на ухо:

– Я молилась за тебя, просила, чтобы с тобой ничего не случилось, чтобы ты вернулся таким же, каким уходил...

– Но я совсем не рисковал... – начал он и тут же замолчал, потому что она закрыла ему рот ладошкой:

– Мы договорились говорить только правду, забыл? А не можешь сказать правду, лучше помалкивай.

– А что ты еще без меня делала – помимо путешествия в славный город Белгород и вселения в эту милую гостиницу?

– Я ходила по магазинам – не пропадать же первому дню моего отпуска? Я молилась... впрочем, это уже было. Я усердно боролась с внутренним голосом, который весь день вопил: «Зачем я забрался в эту идиотку?»

– Ты его победила?

– Мне кажется, да... Ты съездил неудачно? Я это чувствую...

И Вадим все ей рассказал, обходя упоминания о зверствах и применении всех видов стрелкового вооружения. Про Нарбулу – приснопамятного Ильяса Джанхотова (негодяя года), про то, как спецназ не справился с задачей, про удивительной красоты горы Дагестана, которые он даже не заметил. В этом рассказе не было ничего секретного, но он удивлялся: с какой стати он делится своими профессиональными проблемами (в принципе, сокровенными) с женщиной, которую знает чуть больше суток? Она включила свет, достала из сумки планшет, стала в нем что-то искать и, найдя на просторах Интернета нужный персонаж, радостно воскликнула:

– Да, в самом деле, есть такой террорист, о нем довольно много упоминаний. Объявлен в розыск в нескольких странах. Заслуги... мамочка дорогая, да это сущий демон, как его земля еще носит?! Полюбуйся на этого любимчика женщин! – Она повернула планшет, и взору Вадима предстало ненавистное лицо врага, которого он еще ни разу не видел вживую. Видимо, в окружении «товарищей по оружию» – группа боевиков в черном на фоне пустыни и горящего автобуса. Все в масках, только Нарбула без маски – рослый, спортивный, в ладном камуфляже, с демоническим блеском в больших глазах. Окладистая борода была на месте – он никогда с ней не расставался. Нарбула высокомерно улыбал-

ся – хозяин мира, распорядитель человеческих судеб...

– Закрой, – поморщился Вадим. – Пошел он к черту! Надеюсь, этот парень скоро встретит свою заслуженную пулю.

– И еще, – сказала Лена, – у этого человека, если присмотреться, радужные оболочки глаз разного цвета. Явление называется «гетерохромия». Можно предположить врожденную патологию – дистрофию радужки, выливающуюся в глаукому. Обрати внимание, глаза отличаются. Один, скорее, зеленый, другой, видимо, серый. Это не бросается в глаза, такое может увидеть только специалист, которым я, безусловно, являюсь. Болезнь может временно не беспокоить, он может даже не знать про нее, но рано или поздно начнутся боли. Возможно, в детстве была травма или сильное воспаление... Прости, – вдруг спохватилась Лена и отбросила планшет. – Правда, прости, милый, что напомнила, я просто такая любопытная... Забудь, давай лучше еще немного поспим...

А потом наступило солнечное утро. Ничто не взрывалось, рассерженное начальство не обрывало телефон. Обнаженная женщина крутилась перед зеркалом, поворачивалась к нему разными местами, вставляла на цыпочки и усердно тянула подбородок через плечо.

– Что-то у меня не так, не могу понять... – бормотала она, проверяя на ощупь соблазнительные части тела.

– Плоскопопие? – пошутил Вадим. – Нет, все мило, мне нравится.

Она стрельнула в него глазами, открыла шкаф, достала яркий купальник, на который производители явно пожалели ткани, стала в него неторопливо облачаться. Она смотрелась в купальнике идеально, и даже сама себе нравилась – принялась вертеться, заглядывать через оба плеча.

– Восхитительно! – совершенно искренне прокомментировал Вадим. – Нет, правда, Лена, ты неподражаема. Смотрится безупречно, и сама ты очень красивая. Кстати, откуда у тебя купальник?

– Купила... – Она опять привстала на цыпочки и чуть не вывернула шею. – Вчера ходила по магазинам и купила. Вместе с пеньюаром, модным парео и кремом от загара.

– Это, конечно, здорово, – одобрил Вадим, – но как бы тебе сказать, дорогая, даже не знаю... В общем, мы собираемся провести неделю в Сибири, а сейчас вторая декада сентября, купаться нежелательно, с солнечными ваннами полная засада... У нас и летом, знаешь ли, не всегда удается позагорать... Не сказать, конечно, что мы там постоянно мчимся через снега... – Он замолчал, а потом с улыбкой добавил: – Я понял, тебе не понравилось, как мы провели эту ночь, и ты решила отправиться с предыдущим претендентом в Испанию...

– А теперь попрошу тишины, – вкрадчиво сказала Лена, присаживаясь рядом. – Возможно, это самоуправство, дорогой, но что сделано, то сделано, не будем об этом сожалеть.

Вадим напрягся. Он так не любил, когда за него принима-

ют решения!

– Ты уехал, мне стало грустно, и я позвонила твоей дочери в Новосибирск...

– Куда? – изумился Вадим.

– Твоей дочери Марине, помнишь такую? Она живет в Новосибирске. Ты сам оставил мне ее номер...

– Я помню, где живет моя дочь и как ее зовут, – перебил Вадим. – Я оставил ее номер не для того, чтобы ты сразу кинулась ей звонить...

– И все же я это сделала – ведь мне было так тоскливо. – Лена состроила виноватое лицо, и у него пропало всякое желание с ней ругаться. – Я просто хотела познакомиться, поговорить. А чтобы наше общение прошло доверительнее, я положила ей на телефон немного денег... Должна сказать, она хорошая девочка. Немного зажатая, взбалмошная, бывает грубой... но в остальном – хорошая. Сначала она была холодна, насторожена, но потом мы растопили этот лед. Я объяснила, что у нас с тобой было... о, не волнуйся, в рассказе отсутствовали стрельба и трупы, все было красиво и романтично. Я рассказала, как мы собирались к ней в гости, но тебя неожиданно вызвали на срочную работу... Она рассмеялась, сказала, что это в порядке вещей, такое с тобой постоянно. Именно это сформировало ее как совершенно невыносимую личность... ну, это она так сказала. В общем, мы нашли несколько точек соприкосновения и расстались довольные друг другом. Возможность приезда в Сибирь еще не ис-

ключалась.

– Слава богу, – улыбнулся Вадим. – Но при чем здесь ку-пальник?

– Потом ты позвонил, сообщил невероятную новость, что едешь обратно и теперь мы точно поедем в отпуск. Я тут же перезвонила твоей дочери. В итоге у нас родилась идея, как провести спецоперацию. Мы не едем в Сибирь.

– В смысле? – оторопел Вадим.

– Сибирь – это скучно. Мы едем в Крым.

– Куда? – Он от изумления открыл рот.

– О господи! – простонала Лена. – Крым, древняя Таврида, «Ласточкино гнездо», «Крымнаш»... Прости, я не издеваюсь. Почему нет? У нас неделя, этого достаточно. Вторая половина сентября – еще не пропащая пора. Бархатный сезон продолжается. Тихо, отдыхающих немного, поскольку начался учебный год, в море еще можно купаться... Идея родилась спонтанно. Инициатор, кстати, твоя дочь, так что я здесь совершенно ни при чем.

– Как вы видите это технически? – Вадим насупился. Он ничего не имел против Крыма, но опять же, когда без него все решили...

– Да, мы все обсудили и приняли меры. С тетушкой вопрос улажен, она безумно рада, что ребенок отдохнет с отцом. Даже готова выделить небольшую сумму, чтобы сплавить ее с глаз долой. Мы условились, что потом ты отдашь. Еще она поговорит с классной руководительницей – ведь ре-

бенок будет отсутствовать в школе целую неделю. В три часа дня Марина прилетит в Симферополь. Будет путешествовать под присмотром стюардесс – обычная услуга, мой сын несколько раз летал точно так же.

– А мы? – Вадим с каким-то растущим ужасом посмотрел на часы. «Бабий заговор», – мелькнула мысль.

– Наш самолет авиакомпании «Ямал» вылетает в час дня из аэропорта «Белгород». Билеты забронированы, осталось выкупить. Прибудем в Симферополь на час раньше твоей дочери и успеем подготовить ей торжественную встречу. Все необходимое, за исключением уже купленного купальника, купим на месте. Если у тебя нет денег, это не беда, я хорошо зарабатываю и могу себе позволить взять на довольствие понравившегося мне мужчину и его до...

– Нет уж! – Вадим рывком сел на кровати и стал растирать зачумленную голову. – Мы и сами зарабатываем, можем себе позволить небольшую трату... Но почему именно Крым, Лена? Я там никого не знаю.

– А куда еще? – задала она резонный вопрос. – Я еще не закончила дорогой. Мы с твоей дочерью посидели в Интернете и выбрали неплохой вариант. Это поселок Портабель, между Судаком и Феодосией, совершенно райское местечко. Отель на второй линии от моря, называется «Королевская вилла»... Ну да, название подкачало, но там, по отзывам, сносный сервис, не очень грубый персонал, и повара не испытывают жгучего желания тебя отравить. Соседние но-

мера: нам с большой кроватью, Марине – с маленькой. А какая там природа, какое море, какие великолепные нудистские пляжи!.. Тринадцать лет назад я проходила практику в тамошней больнице – это было что-то вроде обмена опытом. Жила на съемной квартире и на всю жизнь сохранила незабываемые впечатления об этом городке. Именно там я познакомилась с бывшим мужем, он потом переехал в Россию, а сейчас чахнет за Полярным кругом со своей зарплатой в двести тысяч...

– Как это приятно... – Вадим передернул плечами. – Ладно, дело прошлое... И все же я не понимаю. Ответь мне честно, чтобы самому не выяснять: моя дочь без колебаний согласилась поехать в Крым с незнакомой женщиной?

– Мы познакомились.

– Ну, я не знаю. – Он прошелся по комнате. Откуда вдруг взялась эта предательская нерешительность?

– У нас вагон времени, – напомнила Лена. – Можем прогуляться по магазинам. Можем просто полежать, заняться чем-нибудь приятным... – выразительно посмотрела она на него.

Вадим задумался. Собственно, с чего он взял, что происходит нечто ужасное?

Но волнение продолжало сказываться. Теперь больше всего на свете он боялся звонка от Панькова. Этот тип беспардонен, ему плевать, что его «любимый» майор спецназа собрался в отпуск с женщиной и дочерью. Выключить телефон? Нет, это чересчур. Но никто не беспокоил. В конце кон-

цов, у нас нет незаменимых! Через десять минут он вскочил, отыскал телефон в валяющихся на полу штанах, нашел абонента в телефонной книге. Зачем он это делал? Амбарцумян не отвечал. Он набрал Балабанюка. Молодой лейтенант отозвался тоже не сразу, а когда ответил, голос его подрагивал от волнения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.